

И. Климов

“Сырое и приготовленное”, или К апологии рецензий*

Есть замечательный афоризм: если вам кажется, что вы совершили открытие, это означает только одно – что вы мало читали. В этом афоризме важен не столько его смысл, сколько методология, в нем заложенная: мы способны понимать наблюдаемое только в том случае, когда обладаем инструментами для распознавания статуса увиденного (факт или фантом) и его значения (феномен / эпифеномен). То есть мы должны не просто пристально следить за тем, что мы изучаем, надеясь, что реальность сама подскажет какие-то объяснительные конструкции, – нам необходимо иметь систему различений и обоснований, помогающих понимать, что же такое мы увидели, получили, пощупали. А эта система различений не может быть порождена только нашими собственными интеллектуальными ресурсами, нашим автономным усилием. Нужно отдавать себе отчет в том, что научная деятельность связана не только и не столько с открытиями, сколько с нудными процедурами обоснования и легитимации вывода. Исследователь не имеет права использовать аргумент “я так вижу” в обоснование своего утверждения о реальности. Достаточно вспомнить парадокс П. Лазарсфельда – парадокс здравого смысла: любому сочетанию фак-

тов, любому событию и даже любой версии события мы можем адресовать множество правдоподобных объяснений, потому что наше мышление управляется “системой естественной логики”. И как правило, человек, вне зависимости от своего опыта, знаний и статуса не в состоянии из множества правдоподобных утверждений выбрать наиболее релевантное, наиболее полно и точно воспроизводящее действительное положение дел.

М. Могильнер в книге “Мифология подпольного человека” несколько с другого ракурса, но также указывает на эту проблему. Автор говорит о том, что самая большая опасность для исследователя, производящего реконструкцию и описание неких ситуаций, процессов, событий, это подпасть под обаяние и под влияние идей и концепций тех людей, которых ты изучаешь, особенно если эти концепции жанрово связаны с культуртрегерством и литературным творчеством. Соответственно, когда мы говорим о *прочитывании* текста и его *убедительности*, критическое отношение к материалу (устному или письменному) превращается в один из основных компонентов практики научного чтения. Однако здесь не все так просто, как может показаться на первый взгляд.

* Текст подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта “«Социологический журнал»: от печатного издания к электронной информационной системе” (№ 05-03-12311в.)

Социальные науки, по замечанию Г. Батыгина, существуют между Сциллой и Харибдой двух идейных сред, двух Проектов. Один Проект – описание реальности, и, что важно, описание *внетекстовой* реальности. Другой Проект подчинен идее *преобразования* социальной действительности. В своем стремлении к социальному преобразению социальные науки создают текстовые конструкты, описывающие существующую реальность не “позитивистским”, а имажинативным, фантазийным способом. “Социальные науки подчинены здесь задаче социального преобразования и, соответственно, освобождены от тривиальных «позитивистских» проблематизаций, обнаруживающих значимость в безыскусности факта и тем самым ставящих свое предназначение в зависимость от сопротивления материала. Избавленные от фактичности, социальные науки (равно как и идеологии) выполняют не денотативную функцию (описание реальности), а функцию фигуративную, связанную с производством репрезентаций – превращением *внетекстовой* реальности в текстовую социальность” [Батыгин. 2005. С. 8]. В итоге такая двойственность познавательных устремлений социальных наук открывает принципиальную возможность для “конструирования социальной реальности”. И очень важным здесь оказывается использование приемов и методов, принятых в профессиональном сообществе: научный статус факту сообщает “научность метода”.

Ирония заключается в том, что *описание* фактов означает *производство текстовых конструкций и конструктов*. То есть, производя текст, сообщество социальных ученых утверждает существование *внетекстовой* реальности и претендует на ее репрезентацию. Однако такая – преобразованная – реальность создает проблемы

для оценки точности и надежности преобразования и т. д. И зачастую эта реальность оказывается непроницаемой для усилий пытливого читателя отличить три ее возможных статуса – “реальная реальность”, “вымышленная реальность”, “воображаемая реальность”. “Вымысел играет существенную роль в производстве научного знания, – пишет Батыгин, – но литературный вымысел своей вымышленности не скрывает. Соответственно, требуется и определенное отношение к тексту как вымыслу. А в социальных науках вымысел приобретает промежуточную форму *точки зрения*, социальные науки отличаются от литературы тем, что сохраняют естественную установку на существование реального мира” [Батыгин. 2005. С. 11].

Есть еще одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает понимание сложной связи реальности, профессиональной работы и текста. Речь идет о способах существования в обществе профессиональных сообществ. Очень часто их границы имеют ценностную, или идеологическую, или же организационную природу, а не методологическую или предметную. Соответственно научная коммуникация становится не способом поиска истины, а инструментом клановой идентификации “свой – чужой”. В качестве одной из главных проблем Г. Батыгин называет структурную неотграниченность социальных наук от публичного общественно-политического дискурса и медийной “повестки дня” [Батыгин. 2005. С. 10]. Это приводит к тематическому, стилистическому и более того – терминологическому наложению, если не симбиозу, разных по своей исходной природе систем знания. Погружение научной речи в публичный социально-политический дискурс приводит не только к смещениям в природе актуальности на-

*Производя текст, сообщество социальных ученых утверждает существование *внетекстовой* реальности и претендует на ее репрезентацию. Однако такая – преобразованная – реальность создает проблемы для оценки точности и надежности преобразования и зачастую оказывается непроницаемой для усилий пытливого читателя отличить три ее возможных статуса: “реальная”, “вымышленная”, “воображаемая”*

учной темы (актуальность объяснительной способности vs актуальность общественного интереса), к метафоризации научного языка, но также и к смещениям в функциональности научных процедур. Цитирование и рецензирование в этом контексте начинают играть совершенно особую, специфически измененную роль. Они превращаются в процедуру распознавания и конструирования “своего” и “чужого”, и приоритет здесь отдается маркированию границы и дискурсивному ее укреплению максимально приспособленными для этого и эффективными средствами, а не критике или развитию аргументов сообразно с принципами эволюционной эпистемологии.

Составная часть этой проблемы – ослабленность корпоративного контроля (внутренняя экспертиза, рецензирование, формы организованной критики и состязательной доказательности). Их выхолощенность и ослабленность (формальность, партикулярность) приводят, в частности, к изменениям и в нормативной системе, управляющей производством научного текста [Батыгин. 2005. С. 12–13; Интервью с Батыгиным. 2006. С. 89]. Это выражается в том, что на фоне диффузности и фактической относительности правил текстообразования формируются новые форматы профессионального дискурса, письменной речи, которые в меньшей степени ориентируются на корпоративную, проводимую профессионалами экспертизу, а в первую очередь – на “внешние” формы признания¹. Проблема, как отмечает Батыгин, заключается не столько в нарушении норм производства знания, сколько в их подмене и в утверждении – де-

факто – *взаимозаменяемости* норм [Батыгин. 2005. С. 13]. Когда нарушение осознается, это только подтверждает существование нормативного порядка. Если же производство научного текста начинает управляться литературными нормами, нормами публицистики или политического дискурса, утверждается принцип необязательности, взаимозаменяемости институциональных нормативных систем и происходит их релятивизация.

И вот здесь в функциональном пространстве научной деятельности и скрывается тема, обсуждение которой мы хотели бы начать. Это тематика рецензий и ре-

цензионной речи, это размышление о том, какие функции они выполняют и должны выполнять в повседневной практике профессиональных сообществ.

Рецензионную речь мы бы предложили понимать как трехсоставное действие: профессиональное чтение – формирование суждения – высказывание. Это не просто разновидность научной коммуникации и не просто формальный или ритуальный акт в публичной деятельности научного сообщества, каковы защита диссертации, презентация новой книги или подготовка журнальной статьи. Эта практика в целом и ее ситуативные специфические свойства связаны, во-первых, с методологией исследовательских программ, реализуемых тем или иным сообществом профессионалов, с другой стороны – с процессами формирования и функционирования научных сообществ. Бытование рецензионной речи, равно как и практика цитирования, оказываются одновременно и индикаторами,

¹ “Поиск этих образцов реализуется, как правило, по схеме масс-коммуникативного воздействия, где “скандал”, “сенсация” и интеллектуальная (а также светская) жизнь “героя-звезды” являются функциональными эквивалентами восприимчивости (успеха)” [Батыгин. 2005. С. 13].

и результатом текущего положения дел [Shadish, Tolliver, Gray, Gupta. 1995; Касимова. 1999; Даудрих. 2005]. Многие исследователи отмечают специфику формирования профессиональных сообществ в сфере социальных наук и развития практик научной работы в нашей стране. В частности, говорится о неразвитости научной коммуникации, ее ритуальности, об отграниченности, а порой и о “клановости” профессиональных сообществ, что приводит к “фрагментированности совокупного текста социальной науки” [Батыгин. 2005. С. 87]. Неудивительно, что основной формой бытования текста социальных наук остается репликация, то есть *заимствующее копирование*, а отнюдь не трансмиссия, не критическая оценка знания на устойчивость и достоверность, с проверкой обоснованности вывода, обобщающих идей, методологии, понятийного аппарата и т. д. [Салтыков. 1996; Гудков, Дубин. 2001; Батыгин. 2005. С. 87].

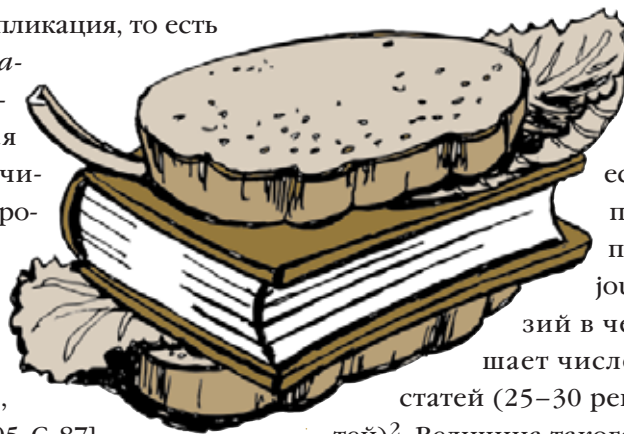
В ситуации размытости и относительности нормативных предписаний, управляющих производством научных текстов, также изменяется и статус рецензии: рецензионная речь становится либо способом повышения идейной (идеологической) значимости текста и его автора, либо разновидностью личностной атаки, аргументации *ad hominem*, а не аргументацией по существу.

Функциональный же смысл этого действия смещается с задачи предъявления и поддержки системы норм профессии к демонстрации анклавной лояльности, к формированию тематических, понятийных, парадигмальных и в конечном итоге социальных разграничений, имеющих выраженный охранительный характер. Очевидно, что это создает непроницаемые для циркулирования идей границы между корпорациями профессионалов.

Те, кто занимается социологией науки, отмечают очевидную неразвитость и непопулярность жанра рецензий в отечественной

практике социальных наук. Это становится

особо наглядным, когда есть с чем сравнивать: например, численность публикуемых в “American journal of sociology” рецензий в четыре-пять раз превышает численность тематических статей (25–30 рецензий против 5–6 статей)². Величина такого различия – примерно такая же, как между “сырым” и “приготовленным”, если пользоваться методологическим аппаратом структурной антропологии. Это не просто разница норм и практик профессиональной деятельности, это разная культура (профессиональной) кухни, и на каждом из полюсов – *иная идея продукта и иная культура употребления его*³.

² Западная традиция обзоров и рецензий заметно более развита – технологически, организационно, тематически, – чем аналогичная практика в нашей стране. Наиболее известный специализированный справочник по социологии – “Sociological Abstracts”, который издается Международной социологической ассоциацией. Важная его особенность – исключительно информативные аннотации (эбстракты) по 33 разделам социологии. Они содержат сведения о гипотезах, инструментарии, объекте исследования и выводах. Центром документации по социальным и гуманитарным наукам ЮНЕСКО (UNESCO Social and Human Science Documentation Centre) издается “Международный указатель периодических изданий по социальным наукам” (World List of Social Science Periodicals). Справочник охватывает около 4,5 тысяч наименований периодических изданий и снабжен предметным указателем. Среди важнейших справочников специального назначения – “Annual Review of Sociology”. Это ежегодник, содержащий развернутые тематические обзоры по 12 основным разделам социологии, и готовятся они социологами первой величины. Также рецензионная традиция поддерживается и на уровне периодики. В упомянутом “American journal of sociology” кроме “штатных” рецензий дополнительно на последних страницах публикуются библиографические списки, а также короткие, в 30–40 слов, аннотации вышедших книг.

³ Г. Батыгин сравнивал ситуацию вырожденности жанра рецензий с отсутствием карты боевых действий – непонятно, кто куда наступает, кто какие цели перед собой ставит; регулярная армия распадается на партизанские отряды [Интервью с Батыгиным. 2006].

Если же говорить *в принципе*, возникает вопрос: какие задачи призван решать этот род текстов, каковы его функции в жизни научных сообществ?

Обилие выходящей литературы таково, что для специалистов в области социальных наук востребованным оказывается не только и не столько последовательное прочтение книг по специальности, но главным образом – поддержание информированности, содержательной включенности в публикационный поток, купирование необходимости самостоятельно знакомиться с большим объемом литературы по смежным областям. Это – базовая функция рецензионной практики. Однако этим перечень не исчерпывается. Попробуем выделить и другие функции рецензий.

1) Поддержание понятийной и терминологической компетентности специалистов в тех областях, которые находятся за пределами их профессиональной специализации и не входят у них в повседневную практику разного рода занятий – от исследований до преподавания.

2) Создание практики и привычки к внутренней экспертизе и оппонированию. Это происходит, с одной стороны, в менее жестких формах, чем, например, официальные ритуалы оппонирования, с другой стороны, в более систематическом виде, нежели высказывание при относительно неформальных встрече и обсуждении.

3) Компетентное различение “своего” и “чужого” – темы, подхода, методологии, опыта и т. д., различение, основанное не на отстранении, а на участии, на переносе идей и текстов через разного рода границы – языковые, понятийные, дисциплинарные, парадигмальные.

4) Это форма столкновения парадигм и один из способов формирования научных школ через позиционирование в отношении идей, методологии, и кроме того – по отношению к формам и содержанию аргументации.

5) Рецензия, как и цитация, – это интерпретативный акт. Если даже в тексте рецензии и отсутствует

явная интерпретация и личная оценка, то само реферативное изложение невозможно без селекции “значимого” и “незначимого”, что, собственно, и является одним из приемов истолкования.

6) Рецензионная речь в максимальной степени приближена к задаче экспликации и провозглашения нормы, системы норм. Особенность такой речи состоит в том, что делается это не в форме манифестации или поучения, а с опорой на аргументацию и систему обоснований выводов, и зачастую – не в виде прямой оценки, а как сопутствующий аргументации вывод. На наш взгляд, наиболее важным, хотя и трудноразличимым трендом в утверждении норм научной коммуникации является влияние рецензионной письменной речи на рецензионную и оппонирующую риторику, речевое поведение.

7) Тематическая разметка актуального пространства науки, пространства постановки проблем и определения стратегий действия. Батыгин называл это “разметкой театра боевых действий” на фронтах науки, где основными критериями являются активность действий и качество усилий. Благодаря этому преодолевается анклавная фрагментация тематического пространства науки при одновременном сохранении – от-refлексированном сохранении – парадигмальных делений и различий.

8) Маркирование статуса, точнее – статусов, поскольку рецензия наделяет определенными характеристиками как рецензируемого, так и рецензента.

Безусловно, предложенное описание не только неполно, но и недостаточно: как и любые другие формы бытования знания, рецензионная речь имеет свои особенности в конкретных сообществах. Предложенное описание лишь отчасти помогает реконструировать их. Например, система статусов при той или иной организации научной деятельности напрямую влияет как на характер утверждаемых норм, так и на функциональность

рецензионного подтверждения статуса в профессии. Однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки задач нашего текста.

Рецензия – ритуальный жанр, наполненный не только содержательным, но также и социоморфным (воспроизводящим сообщество) смыслом. Речь идет не только о развитии профессиональной коммуникации и о формировании научных школ и сообществ. В бытовании рецензий и рецензионной речи, безусловно, существует еще и дидактический компонент. Рецензии в своей массе по большей части относятся к разновидности служебных текстов, и получение навыков их подготовки и освоение структуры таких текстов оказываются необходимым элементом профессионального образования: как минимум это необходимо при подготовке

Рецензия – ритуальный жанр, наполненный не только содержательным, но также и социоморфным (воспроизводящим сообщество) смыслом

выпускных квалификационных работ. Кроме того, освоение практики рецензирования не только делает явными нормы научной коммуникации, исследовательской работы, аргументации и обоснования научного вывода и облегчает освоение образцов деятельности в своей профессии, но также участвует в формировании профессиональной идентичности специалиста – наряду с навыками преподавательской деятельности, умением планировать и проводить собственное исследование и умением предъявлять и защищать результаты своей работы.

Рецензионная речь – неотъемлемый элемент не просто научной коммуникации, но и исследовательской деятельности. Эта деятельность не в последнюю очередь включает в себя библиографический поиск и чтение – ведь без этого горизонт актуальных (для данной дисциплины) проблем и релевантных идей коллапсирует и рецензионная речь становится если не невозможной, то безусловно выхолощенной.

Библиографический поиск представляет собой особое умение. Каждый год выходит множество публикаций по общественным наукам – не одна сотня тысяч. При этом – теоретически – исследователь обязан знать все, что написано по его теме. Хотя исполнить это требование невозможно, но решать такую задачу необходимо. «Прежде чем высказать свое суждение о предмете, социолог обязан прочитать максимум того, что написано его предшественниками и коллегами. Осведомленность в специальной литературе – основной критерий профессиональной компетентности, и ссылки на недоступность источника, языковые затруднения и загруженность работой обычно не воспринимаются в качестве серьезного оправдания. Знакомство с интеллектуальной книжной традицией позволяет социологу считаться своим человеком в профессиональном сообществе» [Батыгин. 1995. С. 84]. ■

Литература

- Shadish W. R., Tolliver D., Gray M., Gupta S. K. S.* Author judgments about works they cite: three studies from psychology journals // *Social Studies of Science*, 1995. V. 25.
- Батыгин Г. С.* Социальные ученые в условиях кризиса // *Социальные науки в постсоветской России* / Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свищерского. М.: Академический Проект, 2005.
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* Раздвоение ножа или диалектика желания // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 49.
- Даудрих Н. И.* Рецепция социального знания и типы цитирования в научной периодике // *Социальные науки в постсоветской России* / Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свищерского. М.: Академический Проект, 2005.
- Интервью с Г. С. Батыгиным // *Социальная реальность*. 2006. № 11.
- Касимова Р. Г.* Трансформация языковой среды в науке // *Вестник Российской Академии наук*, 1999. Том 69. № 11.
- Салтыков Б. Г.* Российская наука в условиях социальных перемен // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. Вып. X. / Под ред. С. А. Кутеля. СПб.: СПбГТУ, 1996.